

4. Полные и частичные аналоги (20%). Фразеологические эквиваленты (полные аналоги) характеризуются совпадением образа, значения и стилистической окраски: *from rags to riches* – «из грязи в князи», *to make ends meet* – «сводить концы с концами». Частичные аналоги допускают лексические или грамматические расхождения при сохранении общего значения: *to cost an arm and a leg* – «обойтись в копеечку», *to pay peanuts* – «платить гроши». Данная стратегия является наиболее предпочтительной, поскольку позволяет сохранить идиоматичность текста, однако ее применение ограничено наличием соответствующих единиц в языке перевода.

5. Перевод с помощью моноксеммы (0%). В проанализированном материале данный способ не применялся, что свидетельствует о специфике экономического дискурса: идиомы, как правило, не имеют однословных эквивалентов в русском языке и требуют более развернутой передачи.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о доминировании нефразеологических способов перевода (58%). Это объясняется тем, что идиомы являются носителями уникальной информации, которая не всегда может быть передана средствами русского языка с сохранением исходной образности.

1 Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

2 Лоренц, В.В. Лингвистические особенности и специфика перевода идиом и фразеологизмов / В.В. Лоренц, К.В. Ка- рабинерова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 69-6. – С. 65–70.

3 Лаврушина, Е.В. Фразеология как компонент идиостиля Тургенева и проблемы сохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Лаврушина. – Москва, 2014. – 241 с.

4 Хакимова, Ш.Р. Приемы перевода интернациональных реалий / Ш.Р. Хакимова // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы II Междунар. науч. конф. – Москва : Буки-Веди, 2014. – С. 179–181.

5 Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Дубна : Феникс, 1996. – 488 с.

6 The Guardian: [сайт]. – URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 24.01.2026).

7 The Economist: [сайт]. – URL: <https://www.economist.com/> (дата обращения: 24.01.2026).

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Вырвич А.И.,

магистрант 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Новосельцева А.В., канд. филол. наук, доцент

В эпоху цифровой трансформации литература сохраняет функцию трансляции духовных ценностей и культурного кода. Творчество Оскара Уайльда, долгое время воспринимавшееся сквозь призму эстетизма, открывает новые перспективы для понимания синтеза изысканной формы и этического содержания. Сказки Уайльда входят в школьные программы, становятся основой театральных постановок, однако в научной литературе преобладают исследования его драматургии и романа, тогда как сказочный цикл редко становится объектом комплексного лингвокультурологического анализа. Между тем именно в сказках наиболее ярко проявляется синтез эстетической программы писателя и христианской этики.

Цель исследования – выявить жанровую специфику литературной сказки О. Уайльда и определить механизмы репрезентации духовно-нравственных ценностей в её художественной структуре. *Цель* исследования подразумевает решение ряда задач: рассмотреть жанровый синтез сказки и притчи в творчестве Уайльда; выявить ключевые концепты и способы их языковой репрезентации; определить роль эстетического парадокса в формировании этического содержания; оценить образовательный потенциал сказок для молодёжной аудитории.

Объект исследования – сборники сказок О. Уайльда «Счастливый Принц и другие сказки» (1888) и «Гранатовый домик» (1891). Предмет – жанровые, языковые и концептуальные особенности сказок в их взаимосвязи с трансляцией писателем духовных ценностей.

Материал и методы. Материалом послужили тексты девяти сказок Уайльда из двух сборников. Анализ проводился на языке оригинала и в переводах К. Чуковского. Методы исследования: сравнительно-типологический, лингвокультурологический анализ, концептуальный анализ, герменевтический метод, элементы статистического анализа. Теоретическую базу составили труды М.М. Бахтина [2], Ю.М. Лотмана [3], Г.В. Аникина [1], Р. Эллманна [7], В.Я. Проппа [5].

Результаты и их обсуждение. В творчестве писателя прослеживается синтез сказки и притчи. Уайльд создаёт жанровую модификацию сказки-притчи. Сохраняя формальные признаки сказки (вымышленный хронотоп, чудеса, говорящие персонажи), автор трансформирует содержательную структуру. Анализ финалов показывает: только две из девяти сказок имеют однозначно оптимистическое завершение. В остальных случаях («Счастливый Принц», «Соловей и Роза», «Рыбак и его Душа») финал трагичен. Отказ от «хэппи-энда» переводит повествование в плоскость притчи, цель которой – раскрытие истины через жертву и страдание.

Лингвокультурологический анализ выявил ключевые концепты: «Красота», «Боль/Страдание», «Жертва», «Любовь». Концепт «Красота» вербализуется через лексико-семантическое поле «блеск», «драгоценные камни», «золото». В «Счастливом Принце» внешняя, материальная красота девальвируется: герой отдаёт золото и сапфиры бедным, теряя блеск, и именно в этом состоянии обретает истинную ценность. Уайльд вводит оппозицию «внешняя красота (материальная) – внутренняя красота (духовная)». Концепты «Боль» и «Жертва» репрезентируются через лексемы «blood», «rain», «to die». В «Соловье и Розе» жертвенная кровь предстаёт как необходимое условие для появления истинной красоты. Уайльд эстетизирует страдание: кровь Соловья, замерзающая Ласточка, расплавленное сердце Принца обретают сакральное звучание. Как отмечает Р. Эллманн, писатель создаёт «эстетику мученичества», где страдание становится высшей формой красоты [7, с. 214].

Парадокс работает на нескольких уровнях. На сюжетном – парадоксальная связь красоты и жертвы: чтобы создать прекрасное, нужно разрушить себя. На уровне персонажей – комические герои (Ракета, Крыса), высмеивающие пороки общества. На уровне идей – парадокс о том, что истинное добро часто выглядит как зло для обывателя. В «Мальчике-звезде» герой, обладающий внешней красотой, совершает зло и теряет её. Обретение духовных качеств возвращает красоту, но уже преображённую. Парадокс предельно моралистичен: внешняя красота без доброты – уродство, духовное совершенство всегда прекрасно.

Сказки Уайльда обладают многоуровневой структурой восприятия. На поверхностном уровне – это грустные истории; на глубинном – требуют знания библейского контекста, понимания социальной критики викторианства. Это делает их уникальным образовательным ресурсом для развития навыков символического чтения, лингвостилистического анализа, этической рефлексии. Как отмечал М.М. Бахтин, жанр помнит свое прошлое [2, с. 237], сказки Уайльда наследуют и народную сказку, и христианскую притчу.

Заключение. Жанровая специфика сказок Уайльда определяется синтезом сказочной поэтики и притчевого дидактизма с введением трагических финалов. Лингвокультурологический анализ выявил ключевые концепты («Красота», «Боль», «Жертва», «Любовь»), взаимодействие которых строится на парадоксе: подлинная красота обретается через жертву, что сближает эстетику Уайльда с христианской этикой. Художественный метод писателя базируется на эстетизации страдания и использовании парадокса для конструирования этического смысла. Образовательный потенциал сказок заключается в их многоуровневости, позволяющей использовать тексты как для филологического анализа, так и для формирования нравственных ориентиров молодёжи. Перспективы исследования видятся в сопоставительном анализе сказок Уайльда с произведениями белорусских и русских мастеров слова, а также в изучении специфики перевода уайльдовской концептосферы.

1 Аникин, Г.В. Эстетика Оскара Уайльда и английский декаданс / Г.В. Аникин. – М. : Наука, 2015. – 312 с.

2 Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.

3 Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1998. – 285 с.

4 Навасельцава, Г.В. Славянская проза пра мінулае ў тыпалагічных сыходжаннях: Ян Баршчэўскі і Карэл Ярамір Эрбен / Г.В. Навасельцава // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., 21-22 кастрычніка 2010 г. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. – С. 194–197. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/16350> (дата звароту: 08.03.2026). – Тэкст: электронны.

5 Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.

6 Уайльд, О. Полное собрание сказок / О. Уайльд ; пер. с англ. К. Чуковского. – М. : Эксмо, 2021. – 256 с.

7 Эллманн, Р. Оскар Уайльд: Биография / Р. Эллманн ; пер. с англ. Л. Мотылева. – М. : АСТ, 2017. – 736 с.

СЯМЕЙНАЯ ЛЕКSIKA Ў ГАВОРКАХ ЖЫХАРОЎ ВІЦЕБШЧЫНЫ: АКСІЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТ ДАСЛЕДАВАННЯ

Галай К.С.,

студэнтка 4 курса ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Навуковы кіраўнік – Семянькова Г.К., канд. філал. навук, дацэнт

Лексіка сямейнага сваяцтва – важная частка мовы, якая адлюстроўвае, як у грамадстве арганізаваны сям’я, адносіны, вызначаны ролі людзей. Названая група лексікі выконвае ў мове важную функцыю фіксацыі і апісання сацыяльных і культурных адносін. У рэгіянальнай практыцы назвы сваякоў часта набываюць спецыфічныя формы і эмацыйную афарбоўку, што робіць іх каштоўнай крыніцай інфармацыі пра сямейную арганізацыю, сацыяльныя ролі і сістэму каштоўнасцей мясцовай супольнасці.

Мэта даследавання – прааналізаваць лексіку сямейнага сваяцтва ў рэгіянальным моўным матэрыяле, высветліць яе аксіялагічную ролю ў сістэме грамадскіх зносін.

Аktуальнасць даследавання абумоўлена тым, што вывучэнне лексікі сямейнага сваяцтва ў гаворках жыхароў Віцебшчыны з’яўляецца важным, бо праз мясцовыя назвы сваякоў фіксуецца асноўныя сацыяльныя каштоўнасці, мадэлі паводзін і прынцыпы сямейных адносін. Нягледзячы на перавагу ў дыялектным матэрыяле лексем з адмоўнай канатацыяй, аналіз станоўчых і памяншальна-ласкальных форм дае важную інфармацыю пра эмоцыі блізкасці, павагу і ўзаемадапамогу ў супольнасці.

Матэрыял і метады. Матэрыял даследавання складаюць лексічныя адзінкі, якія апісваюць ролю і статус членаў сям’і, зафіксаваныя ў “Рэгіянальным слоўніку Віцебшчыны” [1, 2]. У працы выкарыстаны апісальны і кантэкстны аналіз, а таксама параўнальны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Лексічныя адзінкі, якія апісваюць ролю і статус членаў сям’і, маюць выключнае значэнне для разумення сацыяльнай структуры сям’і, сістэмы роднасных сувязей у беларусаў. У групу ўваходзяць словы і выразы, што абазначаюць розны статус, называюць функцыі членаў сям’і, адлюстроўваюць не толькі кроўнае сваяцтва, але і сваяцтва па шлюбе, духоўныя сувязі (кумаўства, адносіны паміж хроснымі). Аналіз гэтай лексікі дазваляе выявіць іерархію і ўзаемаадносіны паміж членамі сям’і, раскрыць традыцыйныя ролі кожнага, паказаць дыялектную варыятыўнасць у назвах сваякоў, якая часта адлюстроўвае мясцовыя асаблівасці ўспрымання ступеняў сваяцтва, раскрыць значэнне духоўных сувязей у сістэме грамадскіх і сямейных адносін, зафіксаваць эмацыйную афарбоўку (ласкальную, радзей негатыўную).

Пры даследаванні традыцыйнай беларускай сям’і важна звяртаць увагу не толькі на наяўнасць, але і на адсутнасць пэўных лексічных адзінак. Аналіз лексікі сямейнага характару выяўляе цікавую заканамернасць: у той час, як шэраг адносна больш спецыфічных або другасных родзічаў (напрыклад, брацік, брацельнік, баярка, брацюк) атрымалі свае рэгіянальныя маркеры, такія фундаментальныя паняцці, як “маці” і “бацька”, якія складаюць ядро любой сямейнай сістэмы, не зафіксаваны ў слоўніку ў якасці асобных лексічных адзінак. Гэтая адсутнасць, на першы погляд, можа здацца парадаксальнай, але яна адкрывае шлях да глыбейшага разумення прыроды мовы, сацыяльных нормаў і працэсу засваення мовы. У аснове гэтага феномену ляжыць прынцып лексічнай універсальнасці і даступнасці базавых паняццяў. Словы “маці” і “бацька” адносяцца да так званай “празрыстай” лексікі. Гэта тыя паняцці, якія засвойваюцца чалавекам на самых ранніх этапах